Л.И. Щелокова

Исторические координаты в статьях А.Н. Толстого 1941 г.

В статье анализируется публицистика А.Н. Толстого 1941 года, ее смысловая структура в пространственно-временных координатах, включающих сакральные ценности, среди которых Москва определяется как заповедный центр и священный город, история страны — как родословная нации, восстанавливающая абсолютный ценностный мир. Определяется роль стилевых доминант.

Ключевые слова: А.Н. Толстой; публицистика 1941–1945 годов; сакральная поэтика; литература о Великой Отечественной войне.

В статьях писателя последовательно отразился сложный синтез стержневых смыслов главного города страны, их анализ демонстрирует постепенное в условном смысле *аксиологическое приближение* к Москве через историю всей русской земли. Москва, воплощая в себе единство страны и народа, осознается в годы войны как священный город, духовный *заповедный* центр, гибель и утрата которого *недопустима*. Толстой определяет ценностно-иерархический статус города: «...Москва это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства. Москва — это идея, охватывающая нашу культуру во всем ее национальном движении. Через Москву — наш путь в будущее» [7: с. 164].

Историческое прошлое подробно рисует русский национальный характер, выделяя в нем его героический потенциал. Можно сказать, по М.М. Бахтину, что Толстой переносит ценностный центр «открытого предстоящего смысла этического события... в данность человека — участника его» [1: с. 7].

В датированной 3 августа статье с заголовком «Стыд хуже смерти» (название в рукописи — «Русские воины») чувство *стыда/совести* образует лейтмотивную основу. Толстой опровергает мнение о фатализме русского воина, утверждая: «...не покорность судьбе заставляла русского воина рубить мечом по насевшим врагам, покуда *смертельная тьма* не застелет глаза его. Не смерть страшна ему в бою, но стыд» [7: с. 111] (здесь и далее в цитатах курсив мой. — Л.Щ.). Библейзм *смертельная тьма* и афористичная формула соединяют в себе религиозное и народное *понимание чувства совести*, соотносят с общечеловеческой этической нормой и судьбоносным вопросом: «быть или не быть русской земле» [7: с. 113]. Мотив стыда уходит в глубокую древность, когда и сформировались коренные свойства русского характера.

«Держава русская велика, и не годится русскому человеку, если послали его *оборонять* честь державы, пятиться ради живота своего» [7: с. 111]. Долг

оборонять честь державы соотносится со священной обязанностью воина, иллюстрируемой фрагментом «Слова о полку Игореве» о боевом снаряжении дружинников Всеволода Святославича. Бранное дело и ратный подвиг уже в давние времена причислены к *абсолютным ценностям*, способствовавшим постижению истинных возможностей человека. Русские князья переносили тяготы военных походов наряду с простыми воинами.

Лаконичными яркими картинками Толстой представил основные этапы русской истории. Образы Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Петра Великого, А.В. Суворова, М.И. Кутузова олицетворяют идею защиты и созидания родины. В письме писателя проступают черты *летописного стиля*, из особенностей которого складывается *монументальный реализм* Толстого (он использовал этот термин в 1924 году): летописные фрагменты о героических поступках новгородцев подчеркивают не коллективный (массовый) подвиг, а *индивидуальный* выбор древних воинов. Ситуация выбора возвышает личность, способствует формированию критериев нравственности, служащих ориентиром потомкам. Последние постигают этическую норму не только через событийную канву, но и благодаря языку; Толстой организует диалог современников с далекими предками, в котором сказовый элемент передает *голос предка*: «Тогда Мамай, *рассердясь*, собрал бесчисленное войско — много сотен тысяч всадников — и двинулся, чтобы *положить всю Русскую землю пустой*» [7: с. 113]. Древняя речь относит современника к давней эпохе, не только способствуя *аксиологическому диалогу*, но и напоминая о моральной норме, сохранившей справедливую веру в «то, что хозяин русского государства — он, народ, *оборонивший* и поставивший его» [7: с. 114]. В данном контексте значимо и лейтмотивное слово *оборонивший* с его древней высокой семантикой, передающей традицию защиты отечества. Слово наделено памятью поколений, использовавших его, поэтому в нем аккумулируется сакральная сущность подвига.

Следует отметить особую роль лексики и синтаксиса в языке писателя. Подчас инверсия способствует восстановлению хода мыслей и психологического настроения предков — к примеру, сражавшихся с Наполеоном: «Но народ решил иначе: отечество иноземному врагу не отдавать, а *свободу взять самому*» [7: с. 115]. Отзвуки атмосферы народного веча, голоса народа, завещавшего свою землю потомкам, перекликаются с определением победы в японской войне («жданной») [7: с. 116], передавая эстафету *заступничества* за отчизну.

Ход истории помогает выявить аксиологический смысл утверждения «Стыд хуже смерти»; подтверждающим аккордом звучит фрагмент из былины: «Горят очи его соколиные... / Боевые рукавицы натягивает...» [7: с. 117]. Былинный эпос в контексте эпохи Великой Отечественной войны выступает *заповедным кодексом* чести. Потомки богатырской славы не смеют посрамить их памяти: «Стыд хуже смерти. Куда же ты уйдешь, трус, в какую щель спрячешься от людей, от самого себя?» [7: с. 117]. Важно, что писатель в контексте афористично-народной фразы переходит на стиль газетной публицистики, создавая единое духовное пространство всего народа.

Когда фашистские войска подступили к Москве, Толстой обращается к современникам в статье «Москве угрожает враг» (16 октября) с категоричной формулой-наставлением о невозможности отступления. «Ни шагу дальше! Пусть трус и малодушный, для кого своя жизнь дороже родины, дороже сердца родины — нашей Москвы, — гибнет без славы, ему нет и не будет места на нашей земле» [7: с. 150]. Пространство сужается до предела, повышая значимость нравственного потенциала человека, поэтому столь резко звучит призыв к соблюдению исторической *нормы поведения* и нетерпимость к ее нарушению.

Писатель включает современное событие в ряд Вечных. Для воплощения идеи единения нации он находит емкую метафору *кровь народа* в одноименной статье (17 октября), начинающейся образом «копеечной свечки», от которой Москва сгорела, и огня «ярого воска», горящего «в каждом сердце русского человека» [7: с. 153–154]. Параллель «копеечной свечи» и «ярого воска» устанавливает масштаб духовного потенциала народа и задает высокий тон разговору о прочности духа и решительности характера. Воспоминания о войне 1812 года актуализируют *мотив жертвенности*. «Зажигая древнюю Москву, чтобы один *пепел* достался наполеоновской... армии, русские спасли свою святыню — отечество: сохранен будет корень — высохнут слезы, заживут раны, и миллионы золотых рук — камень за камнем — заново сложат Москву, богаче прежней» [7: с. 154]. Обозначен сакральный центр: святыня — отечество — Москва. При этом внешние разрушения древнего города не уничтожат его сакральной сущности.

Наибольшее развитие и воплощение идея *памяти/преимущества* получила в статье «Родина» (7 ноября), трансформированная в мотив *кровного родства* и усиленная личной формой «мы». «За эти месяцы тяжелой борьбы... мы все глубже познаем кровную связь с тобой и все мучительнее любим тебя, родина» [7: с. 159]. *Голос совести* народа отражен в сложном *покаянном* чувстве — *мучительной любви* к ней. Обращение к Родине на «ты» — признание в потаенном чувстве — с первых строк придает патетической теме тон интимно-доверительной беседы. Аналитически погружаясь в чувство *мучительной любви*, автор воссоздает сознание и ощущения *человека быта* (в данном контексте понятия *человек быта* и *маленький человек* мы будем воспринимать как синонимичные): «Даже и тот, кто хотел бы укрыться, как сверчок, в темную щель и посвистывать там до лучших времен, и тот понимает, что теперь нельзя спастись в одиночку» [7: с. 159]. *Щель* можно трактовать как своеобразное *спасительное пространство* для маленького человека, которому автор оппозиционно противопоставляет огромное пространство Вечной истории. К примеру, в вышеприведенном фрагменте из статьи «Стыд хуже смерти» условное *целевое пространство* соотносится с былинным эпосом, образуя полярность поведенческой модели. Полагаем, что Толстой, побуждая человека к духовному росту, но не внешнему (искусственному), а внутреннему (осознанному), воссоздает полярные миры с разными нравственными центрами, где большой мир требует героического поведения, а малый — *целевой* — руководствуется инстинктом самосохранения. Думаем,

что здесь писатель через поступок и выбор современника ассоциативно подводит его к *соборному миропониманию*.

При рассмотрении подобного соотношения пространств в русле классической традиции, в частности Ф.М. Достоевского, можем воспринять это как своеобразную условную отсылку к сознанию подпольного человека. Исследователь Достоевского отмечает, что у него «в уединении герой развивается и “рождается” заново вместе с развитием и “рождением” идеи уже на новом уровне нравственного постижения жизни» [3: с. 393].

Подобная же онтологическая антитеза структурирует статью «Родина», построенную на оппозиции *значительного / суетного* смыслов существования. О *значительном* смысле существования в 1941 году писал и А.Ф. Лосев в философском эссе «Родина»: «Повторяю: или есть что-нибудь над нами родное, великое, светлое, общее для всех, интимно-интимно *наше*, внутреннейше *наше*, насущно и неизбежно *наше*, то есть Родина, или — жизнь *наша* бессмысленна, страдания *наши* неискупаемы...» [5].

Толстой главной составляющей Родины определяет образы *единого гнезда и родного мира*: «Гнездо наше, родина возобладала над всеми нашими чувствами. И все, что мы видим вокруг, что раньше, быть может, мы и не замечали, не оценили, как пахнувший ржаным хлебом дымок из занесенной снегом избы, — пронзительно дорого нам. Человеческие лица, ставшие такими серьезными, и глаза всех — такими похожими на глаза людей с одной всепоглощающей мыслью, и говор русского языка — все это наше, родное, и мы, живущие в это лихолетье, — хранители и сторожа родины нашей» [7: с. 159]. Изначальным в понятии Родины становится образ малой родины, впервые появившийся в этой статье. Мотив запаха ржаного хлеба из избы соотносим, по нашему мнению, с особым «святым» местом «личной вселенной» [8: с. 24] человека. Автор возвращает современника к образу *общего гнезда* — своеобразного «центра мира», заставляя смотреть на окружающую реальность иным, *внутренним (истинным) взором*, позволяющим увидеть подлинное, а не случайное, наносное. Серьезные глаза с одной *всепоглощающей мыслью* выражают духовную напряженность, этот взгляд соотносен и с говором (считаем, что древний язык, традиционно воспринимаемый как словесная икона, у Толстого выступает приемом воплощения сакральной сущности). Такое стремительное *Восхождение/Преображение* частного человека позволяет ему через *обыденное* постичь *сакральное*. Единение вокруг общего гнезда ассоциативно приближает к *соборному миропониманию*, семантически смыкаясь с *мотивом жертвенности*: «...наша готовность — умереть за нее» [7: с. 159]. В понятии родины прослеживается весь «*поток людей*, несущих свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость *своего* места на земле» [7: с. 159], готовый отстаивать свою независимость. Писатель подчеркивает движение *непрекращающегося потока людей*, завоевавшего право быть на *своей* территории, он не просто напоминает о Вечности, но и утверждает ее, сообщая о предопределенности свыше. Авторская мысль о слиянии национальных потоков содержательно и художественно дополняет идею о Вечности, принимающей и объединяющей все народы: «Когда-нибудь, наверно, на-

циональные потоки сольются в одно безбурное море — в единое человечество. Но для нашего века это — за пределами мечты. Наш век — это суровая, железная борьба за свою независимость» [7: с. 159].

История страны — *родословная* нации, через нее восстанавливается *абсолютный ценностный мир*, сформировавший национальную культуру и нравственность. Первые статьи писателя (июнь – июль 1941 года) определяют мировоззренческую оппозицию двух типов культуры, отношения к традициям. В них обозначена непреодолимость границ внешнего и внутреннего пространств. Бинарная система относит врага к варварским временам и основам существования, а Россию вписывает в Вечность.

Если Россия рассматривается в духовно-исторической перспективе, то фашизм увиден исключительно в телесно-материальном облике, вне культурной и исторической традиции. Автор объясняет жестокость и распушенность врагов, «потому что в них вытравлено все человеческое; они чудовищно прожорливы, потому что всегда голодны и потому еще, что жрать — это единственная цель жизни: так им сказал Гитлер» [7: с. 160]. Нарочитая физиологичность в описании противника показывает его *абсолютное* расхождение с духовными ценностями русского народа. Его потребительское начало привело к посягательству на сакральную «землю оттич и дедич», куда «пришел прадед жить навечно» [7: с. 160]. Старославянизм определяет дух сокровенного топоса, центральной фигурой которого становится образ пращура; его завет «Ничего, мы сдюжим» [7: с. 161], сохранивший интонацию устной речи, через архаический глагол приближает современника к иконической традиции¹. Троекратный повтор этого оборота — прием кольцевой композиции. Первый раз он звучит из уст пращура (««Ничего, мы сдюжим», — сказал он и начал жить» [7: с. 161]), означая момент зарождения и освоения территориального пространства. Второй раз выступает итогом многовековой истории культуры государства: «Пращур наш, глядя посолонь, наверно, различил в дали веков эти дела народа своего и сказал тогда на это: “Ничего, мы сдюжим...”» [7: с. 164]. В финале фраза звучит из уст современника, воспринявшего завет пращура и кодекс чести предков: «Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет. Ничего, мы сдюжим!...» [7: с. 165] Ему на помощь встают «тени минувших поколений, тех, кто погиб... за честь и славу родины, и тех, кто положил свои тяжкие труды на устройство ее», они «обступили Москву и ждут от нас величия души и велят нам: “Свершайте”» [7: с. 164]. Пращур, символизируя мифологическое время, основывает Бытие, так как «считалось, что пока элементы мира не названы, сам мир еще не имеет бытия» [2: с. 60]. С образом пращура связано еще и бытийное начало народа, организация священного пространства «своей Вселенной» [8: с. 29], он «назвал все вещи именами и воспел все, что видел и о чем думал, и воспел свой труд» [7: с. 161].

История страны складывалась из деяний *маленьких людей*, сумевших выдержать испытания. «Но нет такого лиха, которое уселось бы прочно на плечи русского человека» [7: с. 160].

¹ Данное утверждение основано на понимании древнего языка как словесной иконы.

Становление народа шло через овладение внешним пространством. «Началась Москва с небольшого городища в том месте, где речонка Яуза впадает в Москву-реку. В этом месте заворачивал на клязьминский волок зимний торговый путь по льду, по рекам — из Новгорода и с Балтийского моря — в Болгары на Волге и далее — в Персию» [7: с. 161]. Москва впитывает в себя культуру Древней Руси, становясь преемницей Киева и Новгорода. Возрастает ее европейский авторитет при Иване Грозном. Географическое положение (между Востоком и Западом, Севером и Югом) тоже способствует сакрализации.

Рассказ об укреплении и расширении Москвы писатель подытоживает мыслью, что столица воплощала в себе стремление всей страны к мощному росту: «...**взлет в непомерность**. Москва мыслилась как хранительница и поборница незапятнанной правды: был Рим, была Византия, теперь — Москва» [7: с. 162]. Обнаруживается мессианская роль России в контексте историко-софской концепции писателя.

Столица росла вместе со страной, в ней уже более миллиона жителей: «С Поклонной горы она казалась сказочным городом — среди садов и роц. Центр всей народной жизни был на Красной площади — здесь шел торг, сюда стекался народ во время смут и волнений, здесь вершились казни, отсюда цари и митрополиты говорили с народом, здесь произошла знаменитая, шекспировской силы, гениальная по замыслу и эффекту сцена между Иваном Грозным и народом — опричный переворот. Здесь, через четверть века, на Лобном месте лежал убитый Лжедмитрий в овечьей маске и с дудкой, сунутой ему в руки; отсюда нижегородское ополчение пошло штурмом на засевших в Кремле поляков. С этих стен на пылающую Москву хмуρο глядел обреченный Наполеон» [7: с. 162]. Топонимика Москвы играет символическую роль, прежде всего Поклонная гора — возвышение географического и политического планов (прибытие Наполеона в Москву). Упоминание поверженного Наполеона условно *притягивает* и Гитлера, с его неминуемым поражением. Образ горы напоминает о сакральной сущности, соотносимый с «*космической Горой*» [8: с. 33]. С ее высоты обзревается сказочный город, внимание переключается на Красную площадь — историческое сердце Москвы и страны. Толстой не просто описывает исторические события, он формирует эмоциональное и мировоззренческое отношение к ним — исключительно уважительное. Устанавливаются нравственные границы топоса, где «география выступает как разновидность этического знания» [6: с. 113]. Современник становится носителем аксиологических ценностей предыдущих поколений.

Мысль автора *просвечивает* все века, движется из их глубин к современности, обозначая ее сакральный центр — место свершения праведного суда, низвержения врага. Сопряжен с мотивом *свержения врага* сквозной мотив *воскрешения* Москвы: «Не раз, сгорая дотла и восставая из *непла*» [7: с. 162], Москва вынесла все испытания и продолжала «быть сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободымыслия даже в самые мрачные времена» [7: с. 162]. Толстой, обращаясь к истории страны, утверждает традиционную ценностно-иерархическую шкалу, расширяет духовную вселенную, помогая современнику совершать свой внутренний «рост»

движение» [3: с. 94]. Сочетание различных стилевых потоков и лейтмотивов придает аксиологическую масштабность мыслям об истории страны.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин; сост.: С. Бочаров, В. Кожин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
2. *Захарян Т.Б.* Сакральный символ в языке религии: монография / Т.Б. Захарян, Д.В. Пивоваров. – Екатеринбург: УрГУ, 2005. – 196 с.
3. *Иванов В.В.* Сакральный Достоевский / В.В. Иванов. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. – 520 с.
4. *Корман Б.О.* Лирика и реализм / Б.О. Корман. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1986. – 96 с.
5. *Лосев А.Ф.* Родина / А.Ф. Лосев // Литературная газета. – 1990. – 24 января.
6. *Лотман Ю.М.* О русской литературе / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1997. – 848 с.
7. *Толстой А.Н.* Полное собрание сочинений: в 15-ти тт. – Т. 14. – М.: Гослитиздат, 1950. – 432 с.
8. *Элиаде Мирча.* Священное и мирское / Мирча Элиаде; пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Грабовского. – М.: МГУ, 1994. – 144 с.

L.I. Shchyolokova

Historical Coordinates in the Articles by A.N. Tolstoy in 1941

The article analyzes Tolstoy's publicistic writing of 1941 and its meaning structure in spatial and temporal coordinates, including inmost values among which Moscow is considered as an sacred center and holy city, the history of the country as genealogy of the nation, restoring a perfect world of values. The role of style dominants is determined.

Key words: A.N. Tolstoy; socio-political journalism of 1941–1945; sacred poetics; Great Patriotic war literature.

References

1. *Baxtin M.M.* Literaturno-kriticheskie stat'i / M.M. Baxtin; sost.: S. Bocharov, V. Kozhinov. – М.: Xudozhestvennaya literatura, 1986. – 543 s.
2. *Zaxaryan T.B.* Sakral'ny'j simvol v yazy'ke religii: monografiya / T.B. Zaxaryan, D.V. Pivovarov. – Ekaterinburg: UrGu, 2005. – 196 s.
3. *Ivanov V.V.* Sakral'ny'j Dostoevskij / V.V. Ivanov. – Petrozavodsk: PetrGU, 2008. – 520 s.
4. *Korman B.O.* Lirika i realism / B.O. Korman. – Irkutsk: Irkut. un-t, 1986. – 96 s.
5. *Losev A.F.* Rodina / A.F. Losev // Literaturnaya gazeta. – 1990. – 24 yanvarya.
6. *Lotman Yu.M.* O russkoj literature / Yu.M. Lotman/ – SPb.: Iskusstvo-SPb, 1997. – 848 s.
7. *Tolstoy A.N.* Polnoe sobranie sochinenij: v 15-ti tt. – Т. 14. – М.: Goslitizdat, 1950. – 432 s.
8. *E'liade Mircha.* Svyashhennoe i mirskoe / Mircha E'liade; per. s fr., predisl. i comment. N.K. Grabovskogo. – М.: MGU, 1994. – 144 s.